

В. Е. ШЕВЯКОВА

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(Конструкция с двойной инверсией)

Проблема инвертированного порядка следования членов предложения является важной и актуальной, ибо это вопрос о выделении члена предложения, являющегося носителем логического предиката или нового ¹, о том, какими грамматическими средствами осуществляется в том или ином языке это выделение. В пределах одного лексико-грамматического состава определенная мысль может быть выражена самыми разнообразными синтаксическими средствами, в том числе логическим ударением и порядком слов ².

Что касается логического ударения, то оно используется только в устной речи. В письменной, как и в устной речи многих индоевропейских языков для выражения логической структуры передаваемой в предложении мысли служит порядок слов ³, при этом в языках различной типологии, таких, например, как русский (синтетический строй) и английский (аналитический строй), функциональная роль порядка слов проявляется по-разному и в разной степени.

В русском языке, благодаря ярко выраженной морфологической оформленности любой член предложения, который является носителем нового, обычно помещается в конец предложения, в положение после данного. Ср. *Петр уехал в Ленинград* и *В Ленинград уехал Петр*.

В английском языке такая свобода перестановки невозможна из-за слабой морфологизации существительных, прилагательных и глаголов (результат редукции флексий) и закрепления ввиду этого за каждым членом предложения определенного и постоянного места, поскольку в английском языке порядок слов служит средством выражения грамматических отношений ⁴. Однако отсутствие свободы перестановки не исключает в ан-

¹ В. З. Панфилов вслед за Л. В. Щербой справедливо отмечает, что данное и новое отражают субъектно-предикатную структуру выражаемой в предложении мысли-суждения (см.: Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, М., 1948, стр. 117—118; В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 160).

² См.: В. В. В и н о г р а д о в, Вопросы грамматического строя, М., 1955, стр. 412.

³ Существуют и другие способы выражения нового: лексические [слова и частицы с выделительно-ограничительным значением типа *только, лишь, именно, как раз* (русс.), *only, merely, just, notably, solely* (англ.), *nur, gerade* (нем.), *seulement, uniquement, notamment, juste* (франц.)], морфологические (некоторые морфемы в агглютинативных языках — см.: В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 119), синтаксические [при пассивном подлежащем предложное дополнение с *by* (англ.), с *von* (нем.), с *par* и *du* (франц.), оборот *it is... that* (англ.), *c'est... qui (que)* (франц.), *es ist... der (welcher)* (нем.), конструкция с вводным *there* (англ.), оборот *il y a* (франц.), *es gibt* (нем.) и др.]. Однако рассмотрение всех способов выделения нового не входит в задачу данной статьи.

⁴ О неизбежности синтаксического способа выражения грамматических категорий при аналитическом строе см.: В. Н. Я р ц е в а, Историческая морфология английского языка, М.—Л., 1960, стр. 162, ср. стр. 27.

лийском языке возможности некоторого перемещения членов предложения с целью выделения нового. Но в отличие от русского языка эти перестановки, как правило, возможны только в рамках специальных грамматических конструкций с определенным семантическим значением. Такими конструкциями, например, являются: инверсия с вводным *there*, инверсия с опущенным *there* типа *Inside was a microscope*, оборот *it is ... that* и др.

Сюда же относится и рассматриваемая ниже конструкция повествовательного предложения с двойной инверсией двучленного сказуемого по отношению к подлежащему⁵, причем в зависимости от характера сказуемого она имеет два подвида, которые можно иллюстрировать соответственно следующими предложениями: (а) «(I lit up a cigarette and walked over to the mantelpiece.) *Hanging over it was a large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air-crew slip in his cap*» (J. Braine, Room at the top) «Над ним висела в рамке большая фотография молодого человека в форме военного летчика с авиационной эмблемой на пилотке»; (б) «(The jewel box had key in it ... He opened it.) *Divided in little green velvet compartments were all the things he had given her, even her watch*» (J. Galsworthy, The man of property). «В зеленых бархатных отделениях лежали все вещи, которые он ей подарил, даже ее часы».

Синтаксическая особенность этой конструкции заключается в том, что в предложении обязательно наличествуют три определенных члена: 1) обстоятельство места или предложное дополнение в значении обстоятельства [*over it* — подвид (а) и *in little green velvet compartments* — подвид (б)], 2) двучленное сказуемое либо в форме continuous [*was hanging* — подвид (а)], либо страдательного залога [*were divided* — подвид (б)] и 3) подлежащее с развернутым определением в постпозиции в форме придаточного определительного предложения, приложения, пояснительного перечисления или сопутствующих обстоятельств [*a large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air crew-slip in his cap* — подвид (а) и *all the things he had given her, even her watch* — подвид (б)]. При этом инверсия осуществляется не только за счет постановки двучленного сказуемого перед подлежащим, но и сами части сказуемого, расширенного обстоятельством места, следуют в инвертированном порядке: смысловая часть сказуемого — причастие I [*hanging* — подвид (а)] или причастие II [*divided* — подвид (б)] — предшествует вспомогательному глаголу *be* [*was* — подвид (а), *were* — подвид (б)]. При этом подлежащее с развернутым постпозитивным определением занимает конечное положение, после глагольной части сказуемого. Таким образом, конструкции с двойной инверсией присущ следующий порядок следования членов предложения: смысловая часть сказуемого (Сс) + обстоятельство места (Ом) + глагольная часть сказуемого (Сг) + подлежащее (П). Формула этой конструкции могла бы быть представлена в следующем виде: (Сс + Ом + Сг + П).

Конструкция с двойной инверсией рассматриваемого типа встречается в различных стилях языка: в произведениях художественной, публицистической и научной литературы. Однако в трудах по грамматике английского

⁵ Следующие русские предложения передавались бы по-английски с помощью рассматриваемой конструкции.

«Перед раскрытым окном красивого дома сидели две женщины — одна лет пятидесяти, другая уже старая, семидесяти лет. (Первую из них звали Марьей Дмитриевной Калитиной...)» (И. С. Тургенев, Дворянское гнездо).

«(...Акундин оглядел затихший зал и начал говорить). В это время в третьем ряду кресел, у среднего прохода, подперев кулачек подбородком, сидела молодая девушка, в суконном черном платье, закрытом до шеи. (Ее пепельные тонкие волосы были подняты над ушами... Она разглядывала сидящих...)» (А. Н. Толстой, Хожение по мукам).

языка, даже английских лингвистов, она не констатирована, хотя они сами используют эту конструкцию в своей речи⁶. Фактически рассматриваемая конструкция отмечена лишь в двух отечественных работах, носящих чисто нормативный характер⁷, где дается ряд примеров на эту конструкцию (под рубрикой «Обратный порядок слов после причастий I и II, являющихся частью составного сказуемого») и предлагаются рекомендации относительно правил ее перевода на русский язык⁸. При этом указывается, что с помощью этого типа инверсии достигается смысловое выделение вынесенных вперед членов предложения (и в первую очередь обстоятельства места)¹⁰. Однако это положение противоречит рекомендованному в самих же пособиях способу перевода этой конструкции, ибо в русском переводе выделенным оказывается вынесенное в конец предложения подлежащее. Анализ структуры мысли-суждения, выражаемой в рассматриваемом английском предложении, выявление с помощью смыслового и грамматического контекста и интонационно-просодических средств актуального членения предложения на данное и новое показывает, что в предложениях с двойной инверсией данного типа мысль, выраженная вынесенным вперед обстоятельством места (или предложным дополнением) и сказуемым, является данным. Носителем же нового, тем, что утверждается относительно предмета мысли — данного, является помещенное в конец предложения подлежащее с определением. Так, в подвиде (а) мысль, выраженная обстоятельством места и сказуемым *hanging over it was* («над ним висела»), является данным (это видно из предшествующего сообщения, где мысль о камине уже упоминалась в качестве нового — *I lit a cigarette and walked over to the mantelpiece*). Новым в предложении с двойной инверсией является мысль о фотографии, выраженная группой подлежащего — *a large framed photograph...* Это сообщение отвечает на вопрос «Что висело над камином?», а не на вопрос «Где висела фотография?».

То же самое справедливо и в отношении подвида (b). Хотя слова *little green velvet compartments* сами по себе не содержатся в предшествующих предложениях (*The jewel box had key in it... He opened it*), однако мысль о шкатулке (*The jewel box*), упомянутой в предшествующем предложении,

⁶ См., например, O. Curme, *A grammar of the English language*, 3, New York, 1931, стр. 347; R. Kingdon, *The groundwork of English intonation*, London, 1958, стр. 3.

⁷ Т. Н. Михельсон, Н. В. Успенская, *Сборник упражнений по основным разделам грамматики английского языка*, М., 1965, стр. 92; Е. С. Савинова, Г. М. Улицкая, А. И. Черная, *Грамматические трудности при переводе английской научной литературы*, М., 1963, стр. 75; см. также: В. Е. Шевякова, *Учет логических категорий при переводе с английского языка на русский*, сб. «Особенности языка научной литературы», М., 1965, стр. 80—83.

⁸ Е. С. Савинова, Г. М. Улицкая, А. И. Черная, указ. соч., стр. 36.

⁹ Техника перевода рассматриваемой конструкции состоит в том, что разрозненные части двучленного сказуемого [*hanging... was* — подвид (а), *divided... were* — подвид (b)] мысленно соединяются вместе путем помещения смысловой части в обычное для нее положение — непосредственно после вспомогательного глагола (*was hanging* и *were divided*), но при этом сказуемое, как и прежде, продолжает оставаться в положении перед подлежащим. В результате двойная инверсия заменяется простой инверсией по формуле (Ом + С + П): (а) *Over it was hanging a large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air-crew slip in his cap*; (b) *In little green velvet compartments were divided all the things he had given her, even her watch* — и перевод начинается с оказавшегося на первом месте обстоятельства [ср. перевод подвидов (а) и (b) на стр. 91].

¹⁰ Там же, стр. 75. Следует также отметить, что ошибочное мнение относительно того, что всякая инверсионная структура направлена на выделение только вынесенных вперед членов предложения, весьма распространено в отечественной англистике. Ср., например: В. Л. Кушанская, Р. Л. Ковнер и др., *Грамматика английского языка*, Л., 1963, стр. 151.

в них содержится. Поэтому обстоятельство места и сказуемое (*Divided in little green velvet compartments were*) являются носителем данного, а новым — подлежащее, сообщающее о предметах, о том, что лежало в отделенных шкатулки (*all the things he had given her, even her watch*). Это сообщение отвечает на вопрос «Что лежало в зеленых бархатных отделенных шкатулках?», а не «Где лежали вещи?».

Таким образом, в конструкции с двойной инверсией помещение подлежащего в конечное положение как раз и имеет целью сконцентрировать внимание адресата на мысли о лице или предмете, которая передается этим подлежащим. Если бы предложения данного лексического состава имели бы прямой порядок слов и подлежащее стояло бы в начале предложения, то из-за наличия развернутого постпозитивного определения, двучленного сказуемого и обстоятельства места или предложного дополнения внимание адресата переключилось бы с подлежащего на конечные члены предложения (сказуемое и, особенно, обстоятельство места) и тогда мысль о лице или предмете, обозначаемых подлежащим, выпала бы из его поля зрения.

Ср. те же предложения с прямым порядком слов: (a₁) *A large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air-crew slip in his cap was hanging over it*; (b₁) *All the things he had given her, even her watch were divided in little green velvet compartments*.

При таком построении эти предложения были бы восприняты как сообщения о местах нахождения фотографии молодого человека, вещей Ирэн, а не о наличии самих предметов.

Выделенность подлежащего в рассматриваемой конструкции подчеркивается также постоянным наличием при нем развернутого определения, приложения, пояснительного перечисления или сопутствующих обстоятельств. Все это создает не только смысловой, но и чисто количественный структурный перевес группы подлежащего над другими членами предложения. Ср. в этом плане еще несколько предложений: «*Massed on the steps of the stage and on its edge are the public: also common workers, common peasants and common sailors*» (John Reed, Ten days that shook the world); «*Assembled in Winifred's corner were Imogen, Benedict with his young wife, Val Dartie without Holly, Maud and her husband...*» (J. Galworthy, To let).

Наглядным и веским доказательством правильности проведенного анализа актуального членения предложения с двойной инверсией, направленного на выделение подлежащего, является типическое использование этой конструкции в качестве подписи под фотографией в газете с целью указать, кто на ней изображен. Например: «*Seated from left to right are: Fatima Ahmet (Somalia), Beatrice N. Njie (Cameroon), and Dixon R. Julyet (Gambia)*» («Morning star»).

Выделенность подлежащего в конструкции с двойной инверсией данного типа подтверждается и содержанием последующего предложения, которое, как правило, дополняет характеристику лица или предмета, выраженного этим подлежащим. Рассмотрим, к примеру, подвид (а) в контексте: «*(I lit a cigarette and walked over to the mantelpiece). Hanging over it was a large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air-crew slip in his cap. He had dark thick hair, a full mouth held very firmly, and heavy eyebrows. He was smiling with his eyes.*».

Из примера видно, что подлежащее следующего за инверсией предложения (He) обозначает тот же предмет или лицо, что и подлежащее в предложении с инверсией; но в последующем предложении

оно уже является носителем не нового, а данного, о котором в свою очередь сообщается нечто новое.

В известной степени выделенность подлежащего — носителя нового в конструкции с двойной инверсией подтверждается и распределением артиклей: преобладание неопределенного или нулевого артикля при подлежащем и определенного артикля при обстоятельстве места (или предложном дополнении). И хотя тип артикля отнюдь не является во всех случаях безусловным показателем данного и нового, однако в предложениях с так называемым экзистенциалистским значением, в которых сообщается о наличии чего-то или кого-то или о совершении чего-то в определенном месте (в предложениях с вводным *there* и с опущенным *there* и в конструкции с двойной инверсией рассматриваемого типа) эта тенденция в распределении артиклей выражена довольно сильно.

И, наконец, важным критерием в определении члена предложения — носителя нового является, как известно, интонационно-просодическое средство — логическое ударение, которое, как показывают данные экспериментально-фонетического исследования, в рассматриваемой конструкции падает не на обстоятельство места и не на сказуемое, а на собственно подлежащее или на последний значимый элемент группы подлежащего¹¹.

Итак, в предложениях с двойной инверсией рассмотренного типа выделяется не второстепенный член предложения (данное), оказавшийся в начальном положении, а помещенное в конец предложения подлежащее (новое).

Что касается выносимого вперед сказуемого, то его принадлежность к данному подтверждается либо содержанием предшествующего предложения, либо микроконтекстом самого предложения с двойной инверсией. Например, принадлежность группы сказуемого к данному в предложении «*Also enjoying great popularity are the first-class Latvian-made radio-sets such as „Riga-10“, „Mir“ and „Festiva!“, which were exhibited in the Leipzig Fair*» («Morning star») вытекает из содержания предыдущего предложения «*Radio-sets exported from the Soviet Union are very popular here*»), в котором мысль о популярности имеется и является носителем нового. Поэтому в предложении с инверсией мысль о популярности становится данным, а новым — сообщение о радиоприемниках разных марок рижского производства.

В примере подвиды (а) мысль *was hanging* обусловлена как данное микроконтекстом самого предложения — значением обстоятельства *over it*, равным образом как мысль *were divided* в подвиде (б) фактически предусматривается как носитель данного семантикой предложного дополнения *into little green velvet compartments*. В обоих случаях слова *hanging* и *divided into* могли бы и не содержаться в предложении без ущерба для смысла. Например: (a₂) *Over it was a large framed photograph of a young man in R. A. F. uniform, with the air-crew slip in his cap*; (b₂) *In little green velvet compartments were all the things he had given her, even her watch*. В результате имеем предложения не с двойной, а с простой инверсией. В отношении же предложений с простой инверсией этого типа имеются свидетельства известных зарубежных англистов, подчеркивающих, что здесь выделяется не сказуемое и не обстоятельство, а подлежащее¹². Признается также, что конечное положение в предложении выделяет больше, чем начальное¹³. Так что,

¹¹ В. Е. Шевякова, указ. соч., стр. 87—92.

¹² G. O. Curme, *A grammar of the English language*, 3, New York, 1931, стр. 4. 347, 349; O. Espersen, *Essentials of English grammar*, London, 1943, стр. 99—100.

¹³ См.: H. Poutsma, *A grammar of late modern English*, pt. 1, First Half, Noordhoof, 1928; J. Nesfield, *Manual of English grammar and composition*, London, 1928, стр. 137.

даже если принять тезис Я. Фирбаса о существовании между данным и новым промежуточных переходных элементов¹⁴ (а в рассматриваемой конструкции таким элементом могло бы быть *с к а з у е м о е*), то и в этом случае коммуникативным центром все равно остается вынесенное в конец предложения подлежащее.

Решая вопрос о принадлежности сказуемого к данному в пределах рассматриваемой конструкции, необходимо учитывать также, что логика предусматривает и неконтекстуальный субъект¹⁵, т. е. субъект, не связанный с предыдущим контекстом, а принятый говорящим в качестве микротемы данного конкретного предложения, в качестве предмета мысли (речи), о котором он нечто утверждает или отрицает. Данное и новое понимаются фигурально, опосредованно, а не буквально (т. е. не как нечто обязательно известное адресату и как нечто совершенно не известное адресату). Как новое понимается новая *с в я з ь*, употребление пусть даже известного адресату понятия, но в новом качестве — в качестве предикативного признака¹⁶.

В то же время в качестве данного не обязательно всегда выступает только то, что было упомянуто выше, что известно не только говорящему, но и слушающему. В качестве опорного пункта своего сообщения — данного — говорящий может взять по собственному усмотрению любую мысль, даже не упомянутую выше и не известную слушающему. Рассмотрим следующий пример на предложениях с простой инверсией: «(The carriages moved slowly ...). In the first went *Old Jolyon with Nicholas*; in the second *the twins, Swithin and James*» (J. Galsworthy, *The man of property*).

В приведенном тексте с простой инверсией (отличающейся от рассматриваемой структуры только одночленностью сказуемого — *went* вместо *were going*) автор дает от себя микротему сообщения: *in the first; in the second (went* понимается как данное из контекста — *The carriages moved*). И хотя по существу ясно, что *in the first* это *in the first carriage, in the second* это *in the second carriage*, однако сама по себе мысль *in the first; in the second* представлена в данном предложении впервые, она известна только говорящему (автору), но не адресату (читателю). И все же, несмотря на все, это не новое, а данное, предмет мысли (речи), ибо это не то, что утверждается, а то, относительно чего делается утверждение.

По-видимому, таким же неконтекстуальным субъектом — данным — является сказуемое в конструкции с двойной инверсией.

Доказательство принадлежности сказуемого в предложении с двойной инверсией рассматриваемого типа к данному было бы не полным, если не сослаться на вышеупомянутую подпись под фотографией в газете, где видно, что *сидят*, видно, *где* сидят, но не известно только, *кто* сидит.

Конструкцию с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме continuous [подвид (а)] или страдательного залога [подвид (b)] — назовем ее условно тип I — следует отличать от конструкции с двойной инверсией составного именного сказуемого совершенно другого типа (тип II), в которой выделяется вынесенное вперед сказуемое (новое), а не оказавшееся в конце предложения подлежащее (данное). Ср., например, предложение «*Indulgent and severe was her look*» (J. Galsworthy, *The man of property*), в котором носителем н о в о г о является смысловая часть *с к а з у е м о г о (Indulgent and severe)*, а носителем д а н н о г о —

¹⁴ См.: Я. Фирбас, Функции вопроса в процессе коммуникации, ВЯ, 1972, 2, стр. 58.

¹⁵ О неконтекстуальном субъекте см.: J. F i r b a s, Non-thematic subjects in contemporary English, «Travaux linguistiques de Prague», 1966, 2, стр. 246; M. H a l l i d a y, Notes on transitivity and theme in English, II, «Journal of linguistics», 1967, 3.

¹⁶ См. также: Я. Фирбас, указ. соч., стр. 57, 58.

группа подлежащего (*her look*). Это подтверждается содержанием предшествующего предложения (*Aunt Ann turned her old eyes from one to the other*), где мысль о тете Энн (*Aunt Ann*) и ее взгляде (*turned her eyes*) уже упоминалась. Различие в актуальном членении структуры типа I [подвиды (a) и (b)] и структуры типа II (*Indulgent and severe ...*) подтверждается также анализом интонационно-просодических средств, который показал, что если в инверсии типа I интонационным центром является вынесенное в конец подлежащее [см. подвиды (a) и (b)], то в инверсии типа II им является вынесенное вперед сказуемое (здесь слово *severe*).

Помимо четкого различия в актуальном членении, синтаксической структуре и составе конструкции типа I [подвиды (a) и (b)] и конструкции типа II между ними имеется существенное различие также и в семантическом плане. По своей семантике конструкция с двойной инверсией типа I [подвиды (a) и (b)] сходна со значением оборота с вводным *there* и с простой инверсией типа *Inside was a microscope*. Ей присуще выраженное в большей или меньшей степени экзистенциалистское значение. Отсюда обязательное наличие обстоятельства места, подлежащего, обозначающего лицо или предмет, отсюда особый характер глаголов — либо непереходных в форме *continuous*, либо переходных в форме страдательного залога. Условно эти глаголы по значению можно расклассифицировать следующим образом:

1. Глаголы, обозначающие различные формы бытия, указывающие на положение тела (вещи) в пространстве: *lie, sit, stand, lounge, lean, stretch, spread, hang, extend, fit, face, stick, be suspended, be parked, be massed, be stuck, be tucked, be scattered, be pressed, be jammed, be imprinted, be thrust*.

2. Глаголы движения, возникновения, следования: *come, walk, move, arise, float, emerge, reach, fall*.

3. Глаголы участия, примыкания к чему-то, включения куда-то (непереходные или переходные в страдательном залоге): *participate, take part, belong, join, precede, follow, accompany, be included, be associated, be involved, be assembled, be enclosed, be attached, be pinned, be allied, be connected, be coupled, be separated, be cut off, be mounted on, be buried in, be hidden in, be reflected, be divided*.

Многие из перечисленных глаголов употребляются в конструкциях с вводным *there*, и, особенно, с опущенным *there*. Ср.: «Immediately below us stood, sat and lay the whole population of Phat Diem» (Gr. Greene, *The quiet American*). При наличии у глагола формы *continuous* (или страдательного залога) получается конструкция с двойной инверсией: Ср. «Standing, sitting and lying below us was the whole population of Phat Diem».

Сходство семантики конструкции с двойной инверсией типа I [подвиды (a) и (b)] с семантикой конструкции с вводным *there* и без вводного *there* подтверждается также параллелизмом их употребления. Например: «On his watch-chain were a gold pen-knife, silver cigarette-cutter, seven keys, and incidentally a good watch. Depending from the chain was a large yellowish elk's tooth — proclamation of his membership in the Benevolent and Protective Order of Elks» (Sinclair Lewis, *Babbit*). В обоих предложениях (в первом простая инверсия без *there*, во втором — двойная) носителем нового является группа подлежащего — сообщение о предметах, которые находились на особе мистера Бэббита.

Интересно, что вводное *there* встречается и в самой конструкции с двойной инверсией: «Tucked away behind the anthology there was a paper-backed book called *The Physiology of marriage*» (Gr. Greene, *The quiet American*).

Таким образом, по своей синтаксической структуре, семантике и актуальному членению конструкция с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме *continuous* [подвид (a)] и страдательного залога [подвид

(b)] имеет много общего с конструкциями с вводным *there* и с опущенным *there*. Есть все основания считать, что дело идет о системе трех соотносительных категорий, о трех разновидностях одного и того же семантико-синтаксического и функционального типа инверсии, отличного от всех других инверсионных структур в английском языке (в том числе от структуры типа II).

Помимо смыслового выделения подлежащего, назначением двойной инверсии типы I [подвиды (a), (b)] является осуществление более тесной связи между предложениями. Выше было показано, что выделяемое с помощью такой конструкции подлежащее оказывается в непосредственном соседстве с подлежащим последующего предложения, обозначающим тот же предмет или лицо. Равным образом выносимое вперед обстоятельство места (или предложное дополнение) в свою очередь, позиционно приближается к аналогичному члену предшествующего предложения.

Дж. Кёрм, анализируя предложения с простой инверсией, типа *Inside was a microscope*, заметил, что в такой конструкции инверсия, помимо выделения подлежащего, служит еще и установлению более тесной связи данного предложения с предшествующим¹⁷.

Это положение полностью применимо и к конструкции с двойной инверсией, причем на основе проведенного анализа к положению Дж. Кёрма можно еще добавить, что инверсия помогает установить более тесную связь не только с предшествующим, но также и с последующим предложением. Более того, конструкция с двойной инверсией помогает установлению более тесной связи между подлежащим и сказуемым в пределах самого предложения.

Что касается степени эмоциональной насыщенности конструкции с двойной инверсией, то вряд ли эту конструкцию можно обязательно во всех случаях считать эмфатической — точно так же, как не считается эмфатической инверсия с вводным *there* или без него (это лишь позиционный способ выделения подлежащего — носителя нового). Указание на новое в предложении не может во всех случаях считаться эмфазой. Например, предложения *The microscope was in the case*, с одной стороны, и *There was a microscope in the case*, *In the case was a microscope* — с другой, различаются не степенью эмфатичности, а разной структурой актуального членения: в первом носителем нового является обстоятельство места *in the case*, во втором и третьем — подлежащее *a microscope*. Если тот или иной способ выделения нового обязательно считать эмфазой, то следовало бы признать эмфатическим не только оборот с вводным *there*, но и, например, предложный оборот с *by* (в нем. — с *von*, франц. — с *par*), который служит для выделения лица — производителя действия¹⁸ и является в предложении носителем нового. Ср. *Popov invented radio* (в зависимости от контекста — новое *invented radio* или *radio*) и *Radio was invented by Popov* (новое — *Popov*).

Используемое в устной речи интонационно-просодическое средство выделения нового — логическое ударение, тоже не является обязательно эмфатическим. Для того чтобы слово было воспринято как носитель нового, достаточно произнести его ударный слог с нисходящим мелодическим завершением.

Анализ немецких и французских оригинальных текстов показал, что значение, передаваемое в английском языке конструкцией с двойной инверсией рассматриваемого типа (тип I), выражается в этих языках, как и в русском языке, структурой с простой инверсией по формуле: обстоятельство

¹⁷ См.: G. O. C u g h e, указ. соч., стр. 347.

¹⁸ О значении предложного оборота с *by* см.: А. И. С м и р н и ц к и й, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 213.

во места + сказуемое + подлежащее. Ср.: «Im Vorraum wartet *die Dame*» (Stefan Zweig, *Der Amokläufer*) «В передней ждет дама»; «Dans le fond de la pièce dormait *une femme*» (Philippe Hériat, *Famille Beussardel*) «В глубине комнаты спала женщина». В английском языке по этой же формуле построены предложения данного семантического типа при наличии одночленного сказуемого, например, *Inside was a microscope*. При наличии же двучленного сказуемого в форме continuous [подвид (a)] или страдательного залога [подвид (b)] в английском предложении имеет место двойная инверсия за счет постановки второго члена сказуемого (причастия I или II) в начальное положение.

Таким образом, материалы анализа английских, немецких, французских и русских предложений показывают, что постпозиционный способ выделения нового присущ не только языкам синтетическим, но и языкам с аналитическим строем. Но в последних этот способ выделения нового ограничивается предложениями с экзистенциалистским значением. Проведенное исследование не только восполняет пробел в грамматике английского языка, но и способствует более углубленному изучению сходства и различия языков синтетических и аналитических, а также обогащает арсенал известных синтаксических средств выражения актуального членения предложения.
